

Г.К. Муканова
доцент,
кандидат исторических наук
КазНУ им. аль-Фараби

УДК 94(574):930.2

Евразийский и Центрально-азиатский векторы межгосударственных миграций казахов сер. XX в.

Аннотация

Данная статья обращает внимание на проблемный аспект исследования вопросов трансевразийской миграции казахов, начало которой было положено в Центральной Азии. «Узнаванию» казахов как нации способствовала уникальная идентичность, передаваемая из поколения в поколение, без разрушительных потерь, и в условиях диаспоры.

Сопоставительный критический дискурс-анализ трудов ученых СНГ и стран дальнего зарубежья, изучение первоисточников дает основания к выводам, не всегда полностью совпадающим с официальной точкой зрения.

Негізгі сөздер: қазақтар, транс-шекаралық миграция, Шыңжаң, Үндістан, Ауғанстан, иммигранттар, Еуразия.

Ключевые слова: казахская трансграничная миграция, Синьцзян, Индия, Афганистан, репатрианты, иммигранты, СССР, Евразия.

Keywords: Kazakh cross-border migration, Xinjiang, India, Afghanistan, immigrants, immigrants, the Soviet Union, Eurasia.

История международных отношений в ЦАР в действительности нуждается в обобщении. Рассекреченные и вводимые в научный оборот вновь архивные материалы дают возможность узнавать подробности о характере взаимоотношений государств в период «холодной» войны. Публикации зарубежных исследователей частично свет на проблему, позволяя уточнить ряд деталей процесса.

Национальная буржуазия Востока в сложном потоке борьбы тогда вынуждена была искать пути налаживания отношений с таким идеологическим «монстром», каким был Советский Союз, с одной стороны, и - странами Запада, с другой. Отражением этих процессов оказались и судьбы мусульман-иммигрантов, вынужденных преодолевать границы ряда государств, в поисках обустройства. Казахское население ЦАР, о котором идет речь, в названный период оказалось в эпицентре освободительного движения в Китае, Индии, Пакистане, других стран.

Миграция, начавшись в Синьцзяне и Монгольском Алтае, так же испытывавших брожение, ввиду роста национальных устремлений народов

(казахи, уйгуры, монголы, дунгане, тибетцы и др.), к середине XX в. получила расширение вокруг Казахстана, окончательно завершилась в Турции.

Уникальность явления транс-евразийской миграции (ТЕМ) безусловна: посредством ее был реализован шанс на саморазвитие зарубежной казахской диаспоры. Этот факт диктует необходимость обстоятельно остановиться на социально-политической обстановке в ЦАР и сопредельных государствах, после окончания Второй мировой войны.

Источниками исследования служили мемуары очевидцев и участников КТМ, официальные архивные материалы МИД СССР и азиатских стран, партийно-советских ведомств, пограничных войск и др. Из зарубежных исследователей, обратил внимание на проблему и этнокультурный аспект ТЕМ шведский ученый-этнограф И.Сванберг. В трудах последнего, по понятным причинам, отсутствует либо слабо представлен аналитический обзор характера взаимоотношений восточных государств и СССР. Автор избегал давать оценку роли, которую играло советское руководство в Центральной Азии.

Изучая источники, возможно пополнить историю освободительного процесса в ЦАР. Так, согласно мнению российского ученого В.П.Кашина, «до последнего времени в отечественной научной и публицистической литературе было принято считать, что российско-индийские являются традиционно дружественными, на протяжении всего периода взаимных связей России и Индии, Индии и Советского Союза. Между тем, утверждения подобного рода недостаточно полно и точно отражают все перипетии многолетнего сотрудничества стран, о чем свидетельствует опыт контактов СССР и Индии на начальном этапе советско-индийских отношений». (Белые пятна; 1992)

Сталинское руководство с откровенной недоброжелательностью отнеслось к провозглашению Независимости Индии в 1947 г. и объявленному правительством Джавахарлала Неру курсу. То был курс, направленный на построение демократического общества, ориентированного на социальную гармонию, политическую стабильность и экономический прогресс. Немаловажное значение для формирования позиции Советского правительства в рассматриваемый период имели установки идеологического характера.

В первую очередь, речь шла о довоенных оценках И.В.Сталиным национальной буржуазии колониальных и зависимых стран как «соглашательской» и «контрреволюционной» силы, вступившей в сговор с империализмом, за спиной собственных народов. При непосредственном участии Сталина, в Программу Коминтерна было внесено положение о колониальной революции, как пути достижения независимости угнетенных народов Востока.

Ликвидация господства иностранного империализма увязывалась в ней с насильственными действиями малоимущих классов, при одновременном свержении «власти феодалов и помещичьей бюрократии», установлении

демократической диктатуры пролетариата и крестьянства на основе Советов, организации «революционной рабоче-крестьянской армии» и перерастании буржуазно-демократической революции, в революцию пролетарскую.

Предвзятое отношение руководства СССР к независимой Индии было обусловлено в немалой степени политическим статусом доминионов, приобретаемым Индийским Союзом и Пакистаном.

Советские военные исходили из того, что, в случае войны с США, Англией и их союзниками, Индия, как член Британского Содружества, неизбежно выступит в качестве противника СССР, а индийские аэродромы и другие военно-стратегические объекты будут использоваться для нанесения бомбовых ударов по южным границам Советского Союза.

Наконец, о какой дружбе и сотрудничестве с Индией могла идти речь в условиях, когда Сталин и его соратники считали Неру «агентом американского империализма», а министр иностранных дел В.Молотов и его окружение причисляли Неру к «агентам британских спецслужб»?

Российский востоковед М.Р.Арунова, изучив историю послевоенного Афганистана, склонна увязывать проблемы страны с общей эволюцией обстановки на Среднем Востоке и Южной Азии. Большое место в ее монографии занимает анализ эволюции американской политики в отношении Афганистана, в период «холодной» войны и биполярного противостояния, т.е. глобального и регионального соперничества США с СССР, за сферы влияния.

Именно это, по мнению исследователя, предопределило стратегию и тактику американской дипломатии в отношении Кабула, вплоть до распада Советского Союза. Те же мотивы определяли политику СССР и в ЦАР.

В целом, безусловно, такого рода комплексные исследования позволят видеть шире рассматривать картину международных отношений в ЦАР, изучать их в сопоставительном ключе. Возвращаясь к советско-китайским отношениям, распад СССР и выход на международную арену бывших советских республик Средней Азии создали качественно новую геополитическую ситуацию в этой части Евразии, за влияние в которой борются не только Турция с Ираном, но и Россия с США.

Немалое воздействие на общую обстановку в ЦАР и далее будет оказывать развитие событий в Афганистане. Это определяет необходимость отслеживания перспектив развития международных отношений в срезе: Средний Восток - ЦАР - Южная Азия.

Другая российская исследовательница Т.Л.Шаумян изучает проблему формирования индийско-китайских отношений, в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. Последние характеризуются ею как нестабильные. Известно, что отношения КНР и Индии отличались резкими перепадами: от провозглашения в 1954 г. исторических принципов «панча шила» - до вооруженного конфликта на границе осенью 1962 г.

Решающую роль в выработке внешнеполитического курса Независимой Индии сыграл Джавахарлал Неру, который сознавал необходимость установления добрососедских отношений с могущественным

соседом – новым Китаем. Однако, в руководстве страны существовала и иная точка зрения, представленная заместителем премьера Валлабхаи Пателем, который считал, что события в Китае, захват им Тибета и укрепление военного потенциала создают реальную угрозу безопасности Индии. (Безопасность Евразии, 2002, с.223-228).

Расширение ТЕМ в ЦАР было увязано с освободительной борьбой народов Синьцзяна за право на самоопределение, в частности, уйгурского народа. Борьба казахов и уйгуров за самоопределение шла параллельно. Будучи объединены территориально, обе волны освободительного движения, безусловно, оказывали взаимное влияние.

Уйгурскому освободительному движению, как нам представляется, присущи такие черты, как: последовательность, стремление к гласности, широкий спектр международных наблюдателей и др. В отличие от этого, казахское освободительное движение не всегда было последовательно, нередко стояла проблема лидерства.

Несомненно, эти и другие взаимоисключающие порой особенности вносили непонимание в отношения участников освободительного движения. Разумеется, все это – предмет специальных исследований, в которых приоритет принадлежит известным авторам. (Сыроежкин, 2003). На данном этапе, можно лишь констатировать, что борьба народов СУАР КНР за самоопределение переходит в качественно новое русло. В нем наблюдается последовательное выдвижение и отстаивание права наций, в рамках законности.

Разумеется, современная ситуация сформировалась не стихийно, а под влиянием комплекса внутренних и внешних факторов. Среди последних, надо признать влияние США, как одного из главных инвесторов экономики КНР. Мировой финансовый кризис несколько сместил акценты, поскольку центр мирового производства ныне перемещается в Южную Азию.

Если попытаться реконструировать внешний абрис процесса КТМ в указанный период, то сведения из документальных источников, мемуаров позволили хроникально обрисовать этапы процесс инфильтрации казахов:

1946 г. – В результате переговоров властей Гоминьдана с правительством Восточно-Туркестанской республики (далее – ВТР), было подписано соглашение о мирном разрешении вооруженного конфликта и создании провинциального правительства, с участием представителей коренных национальностей Синьцзяна, а также о создании местной армии. (Соглашение «из одиннадцати пунктов»). Что любопытно, в роли посредника выступал Генеральный консул СССР.

Представители ВТР согласились на отказ от самостоятельного статуса, в обмен на декларируемые основные политические права и свободы. Они включали: право избирать в органы местной власти своих представителей, свободу вероисповедания, право использовать в государственных и судебных учреждениях уйгурский язык наряду с китайским, право обучения в школах на уйгурском языке, свободу изданий, собраний и слова, свободного развития национальных литератур и искусства. На основе соглашения, было

создано коалиционное правительство Синьцзяна. Предусматривалось создание национальной армии из 6-ти полков, численностью 11-12 тысяч человек.

1947 г. – В ходе гражданской войны Гоминьдана, достигнутые успехи борьбы уйгурского и казахского народов оказались номинальными. Из состава коалиционного правительства Синьцзяна были выведены представители 3-х северных округов: заместитель председателя Ахметжан Касими (уйгур), Бурхан (уйгур), Аббасов (уйгур), Салиши (казах) и др. Были закрыты национальные школы и газеты. Согласно источникам, в период, предшествовавший созданию ООН, гарантом реализации двусторонних соглашений между властями Китая и правительствами, представлявшими национальную власть в Синьцзяне, выступил генеральный консул СССР.

1949 г. – Поражение армии Чан Кайши в гражданской войне имело следствием образование временного правительства Синьцзяна, во главе с Бурханом. Делегация нового правительства во главе с Ахметжаном Касими, в сентябре 1949 г. вылетела в Пекин на сессию Народного политического консультативного совета КНР, но погибла в авиационной катастрофе.

В Синьцзяне были дислоцированы части НОАК, численностью в 250 тысяч человек. Началось массовое переселение ханьского населения в Синьцзян. В конце года Синьцзян был переименован в СУАР. Казахи, а также киргизы, хуэй, сибиряки, таджики получили автономию, в рамках округов и уездов. Позиции центрального правительства были демонстративно упрочены, но соблюдалась видимость в реализации договоренностей.

Право на самоопределение и свободное развитие национальных культур меньшинств Синьцзяна оставалось не реализованным. («Сценарий» устранения политической оппозиции в СУАР совпадает в основных чертах с историей гражданской войны в СССР и ликвидацией заключивших компромисс с Советской властью, лидеров национальной партии «Алаш»).

Политическая подоплека авиакатастрофы, обезглавившей национальный блок, сомнений не вызывает. Правительством была сделана ставка на раскол национально-освободительных движений уйгуров и казахов, через предоставление больших прав одной народности, наряду с ограничением прав другой.

Середина 40-х – начало 50-х гг. XX в. – отношения между СССР и борющейся за независимость Индией оказались не столь дружественными, как предполагалось.

1951 г. – Вторая волна КТМ прибыла в Кашгар из Монгольского Алтая в количестве 350 человек. Руководители: Калибек, Хамза, Хусаин, Султан Шарип Далелхан.

1953-1954 гг. – Из Пакистана казахи мигрируют в Турцию в количестве 1800 чел. По данным И.Сванберга, это произошло в 1952 г. Казахские иммигранты расселялись в городах, поселениях для беженцев (Стамбул, Анкара, Измир, Адан).

1958-1959 гг. – Попытка КНР «революционными методами» покончить с религией в Тибете привела в марте 1959 г. к восстанию верующих. Оно

было подавлено, не без ведома советского руководства. Духовный лидер Тибета Далай-лама эмигрировал в Индию. 25 августа 1959 г. китайско-индийское охлаждение в связи с бегством Далай-ламы, переросло в вооруженные стычки в Тибете.

Суммарная численность казахов в трех округах Синьцзяна, по сводным данным, взятых нами из публикаций бывших советских, а также европейских и китайских исследователей, составила в 1944 г.:

Или-Казахский округ – 383 569 чел.,

Барколь-Казахский округ – 4 941 чел.,

Мори-Казахский округ – 4 109 чел.

В 1953 г., соответственно, 410 750 чел., 7 496 и 7 055 чел.

Данные за 1982 г. по тем же округам составили:

Или-Казахский округ – 709 550 чел.,

Барколь-Казахский округ – 20 100 чел.,

Мори-Казахский округ – 12 975 чел. (Полинов, 1953, с. 34; Баженова Е.С., Островский А.В., 1991, с. 51-52).

Что до идентификации казахских иммигрантов в ЦАР и Южной Азии в послевоенный период, то очевидно, что этноним «казахи» явно присутствует в административно-территориальных обозначениях на карте региона. Указанные выше политические моменты оказались в некотором смысле катализаторами «узнавания» носителей этнического начала, в условиях диаспоры.

Номинально, КТМ не оказала большого влияния на процесс выработки модели правового обеспечения пребывания казахов за рубежом и во время вынужденной длительной миграции. Ее историческая роль заключается в том, что она способствовала закреплению идентичности казахов, их этнического самосознания и оказала, объективно, консолидирующее воздействие на участников и сочувствовавших процессу.

В 1992 г., в Алматы, на первом Международном форуме казахской диаспоры, стало очевидным, что зарубежные казахи не утратили своего этнического «лица» в прямом и переносном смысле.

В последние десятилетия XX в. отечественная историография осуществила прорыв к новому мышлению. Памятна реакция общественности на выход статьи М.К.Козыбаева, Ж.Б.Абылхожина, М.Б. Татимова «Казахстанская трагедия» на страницах журнала «Вопросы истории». (Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Татимов М.Б., 1989).

Авторы сумели передать драму этнокультуры, опираясь на неопровержимые факты. Впервые открыто, на базе статистических данных, была приоткрыта завеса над одной из многосложных проблем миграции бесправного населения. М.К.Козыбаев, возглавлявший на тот период историческую академическую школу Казахстана и авторский коллектив, остается символом патриота. После названной публикации, в печати чаще стали выступать демографы, краеведы, архивные работники.

Была прервана полоса молчания, лицом к зарубежным потомкам соотечественников повернулось правительство. В настоящее время,

плодотворность темы подтверждена в научно-прикладном аспекте защитами докторских и кандидатских диссертаций. На наш взгляд, задача отечественной науки заключается в дальнейшем развитии методологии исследований. По меньшей мере, оно видится в направлениях: 1) изучение темы в контексте всемирной истории; 2) разработка проблем КТМ только выиграет от ее философского осмысления, свода воедино разрозненных на данный момент фрагментов целостной картины миграций в ЦАР и Евразии.

Зарубежные авторы, следует признать, ушли вперед в регистрации КТМ 30-х – 60-х гг. XX в. Французские исследователи, в частности, владеют материалами по истории сопротивления казахов Западного Казахстана и исходу их в Иран в 30-е гг. XX в. Есть необходимость в расширении доступа исследователей к зарубежным архивным и секретным материалам, чтобы дать объективную оценку логики социальных процессов XX в.

Соккрытие документов приводит порой к неплодотворным дискуссиям по поводу недостающих звеньев миграций. К примеру, «белым пятном» остается история казахов Синьцзяна, бывшего в послевоенные десятилетия «яблоком раздора» в отношениях СССР-КНР. Проблема многопланова, политически «полузакрыта», тогда как от степени владения ею зависит реконструкция истории этносов, региональных международных отношений и, пожалуй, их прогнозирования.

Если в упоминавшейся выше статье М.К.Козыбаева впервые были приведены цифры относительной и абсолютной потери населения Казахстана периода коллективизации, то не приходится говорить об этом в отношении КТМ 40-х – 50-х гг., а также 60-х гг. В отдельных публикациях популярного характера цифровой материал присутствует поверхностно и не выдерживает критики, отсутствуют ссылки на источники. («Белые пятна», 1989).

В хранилищах бывшего Партархива (ныне - АП РК) нами отобраны материалы о бытоустройстве репатриантов 50-х – 60-х гг. из КНР, приводятся цифровые данные. Приводимый ниже типичный документ о репатриантах не разглашался, имел гриф «секретно». Дата: 13 ноября 1963 г.

Заголовок документа – «Справка о трудовом и бытовом устройстве граждан, прибывших из КНР, и работе среди этого населения». (Архив Президента, Ф. 2387, оп.1, д. 57, л. 402-403). В нем говорится: «За последние годы в колхозы и совхозы Алма-Атинской области прибыло большое количество населения из Китайской Народной Республики. Так, с 1958-го по 1963 гг. прибыло 78 298 человек, из них 30 018 человек – в 1962 г. Учитывая острую материальную нужду переселенцев, государство в прошлом году выдало им 700 000 рублей пособий, из расчета по 30 рублей на каждого человека. Помимо того, за счет кредитов - 1179 голов молочного скота. На строительство жилых домов и приобретение коров отпущено 3,5 млн. рублей кредита, совхозам на строительство жилья переселенцам выделено 3 млн. рублей капитальных вложений. Оказана помощь продовольствием и промтоварами.

«В 1962 и 1963 гг. переселенцам из КНР выделено 2230 тонн муки, 350 тонн зерна, 45 тонн масла животного, 56 тонн мяса. Им выделено 13700 ватных курток и шаровар, 8250 пар валенок, 690 полушубков, 8250 пар сапог.

«3808 семей переселенцев живут в собственных домах и государственных квартирах. Все прибывшие из КНР граждане трудоустроены, основная масса их работает в животноводстве, часть - в полеводстве и на строительстве.

«Многие из переселенцев активно включились в производственную и общественную жизнь колхозов и совхозов, стали передовыми людьми своих коллективов. Старший чабан Кзыл-Агашского совхоза Талды-Курганского производственного управления Абдрахман Байбатчаев несколько лет тому назад прибывший из КНР, первым в области применил уплотненный окот овец, организовал первую укрупненную чабанскую бригаду в области.

«Вопросы строительства жилья для переселенцев, улучшения их культурно-бытового обслуживания в этом году обсуждались на бюро парткомов Аксуатского, Кегенского и Панфиловского производственных управлений. Эти же вопросы пять раз обсуждались в этом году на исполкоме сельского областного Совета депутатов трудящихся. Исполком областного Совета проверил и обсудил в апреле текущего года выполнение постановления Бюро обкома Компартии Казахстана и исполкома областного Совета от 27 апреля 1962 г. «О неотложных мерах по улучшению жилищно-бытовых условий и воспитательной работы среди граждан, прибывших из КНР в колхозы и совхозы области».

«Население, прибывшее из КНР, в основной массе неграмотное, отстало в культурном и политическом развитии. Поэтому первоочередной задачей является ликвидация грамотности и малограмотности. В области создано 568 групп, где занимаются 4098 неграмотных. 2470 неграмотных обучаются индивидуально, под руководством специально выделенных 1600 культармейцев из числа учителей, специалистов сельского хозяйства. В прошлом году обучены 4837 неграмотных и 2064 малограмотных».

Стиль документа отражает командно-административный характер советского режима. Но в нем приводятся факты, редко встречающиеся в литературе. По содержанию его ясно, что Советское правительство имело виды на репатриантов: забота об их устройстве и социализации подчеркнута выделяются. Употребление термина «переселенцы» отражает еще не вполне определившийся статус прибывших. Позже, в аналитической литературе, их назовут «репатриантами». Игра слов? Скорее, - подчеркнутая корректность и щепетильность: термин «репатрианты» должен был выделить выигрышный момент в подоплеке советско-китайских отношений. Сознательно упор делался на гражданстве возвращенцев (советском, в большинстве случаев).

Между тем, реэмиграция из Синьцзяна КНР в Советский Казахстан началась стихийно. Тон секретной переписки партийных органов показателен на другом документальном источнике. Он датируется 29 апреля 1962 г., это Протокол № 15 заседания Бюро ЦК Компартии Казахстана.

«Секретный сектор. Особый отдел.

О мерах по выполнению постановления Президиума ЦК КПСС от 28.04. 1962 г. Об ответе на заявление МИД КНР от 24.04.с.г. по поводу массового перехода госграницы СССР жителями СУАР». (Архив Президента, Ф. 708, оп.35, д. 106, л. 256).

«В связи с массовым переходом жителей из КНР на территорию Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей, ЦК Компартии Казахстана постановляет:

1. Поручить Алма-Атинскому, Восточно-Казахстанскому и Семипалатинскому обкомам партии и облисполкомам разместить нарушителей границы в определенных пунктах под контролем местных советских органов, не допуская рассредоточивания и выездов в другие местности. Проводить среди лиц, перешедших советскую границу, разъяснительную работу о том, что совершенный ими переход границы СССР является незаконным, и убеждать их возвратиться в КНР.

2. Обязать Алма-Атинский, Восточно-Казахстанский и Семипалатинский обкомы Компартии Казахстана и облисполкомы в срок до 4 мая 1962 г. внести предложения о размещении и трудоустройстве лиц, которые, невзирая на сделанные разъяснения, откажутся возвратиться в КНР».

В приведенном документе прибывшие именуются «жителями Синьцзян-Уйгурского автономного района». Но спустя год, отношение к переселившимся кардинально поменялось. Получила хождение «установка», отвечавшая политическим интересам СССР. Исполнительным органам теперь ставилась задача: сформировать соответствующее отношение сограждан к данному явлению.

Нами найден документ, проливающий свет на теневую сторону ситуации. Датировка: 30 сентября 1963 г. - «Информация в ЦК Компартии Казахстана о ходе обсуждения закрытого письма ЦК КПСС всем коммунистам Советского Союза «О встрече представителей КПСС и КП Китая (5-20 июля 1963 г.). (АП РК, Ф. 8, оп. 30, д. 24, л. 174-176).

Цитата: «В сентябре с.г. в большинстве первичных партийных организаций Алма-Атинской области прошли общие партийные собрания по обсуждению закрытого письма. Парткомом Панфиловского производственного управления проведено 34 собрания. В колхозе имени Калинина Панфиловского производственного управления, расположенного рядом с границей КНР, 18 сентября состоялось собрание первичной партийной организации.

«Присутствовало 450 человек, из них 120 – коммунистов, 47 комсомольцев. На собрании выступило 5 человек. Выступившие на собрании коммунисты и комсомольцы колхоза резко осудили агрессивную, сектантскую, догматическую линию, занятую китайскими руководителями и единодушно одобрили правильный марксистско-ленинский курс ЦК КПСС и Советского правительства. Выступивший на собрании звеньевой кукурузовод колхоза т. Турдыев С. заявил: «Я долго прожил в Китае – и могу

много рассказать, что делается там. Мы в Китае не пользовались никакими правами, нас не считали за людей, оскорбляли достоинство нашей личности.

«Мы терпели голод и холод. Нужда заставила меня перейти границу. И вот теперь я - среди вас, чувствую себя хорошо. Семья моя материально обеспечена, и мы не боимся за свое будущее. Я, как и все советские люди, до глубины души возмущен и осуждаю раскольнические действия китайских руководителей в отношении нашего государства и других стран. В заключение я хочу напомнить китайским руководителям мудрую народную пословицу: «Не плюй в чистый колодец, ибо из него придется пить». (АП РК, Ф. 8, оп. 30, д. 24, л. 174-176).

С аналогичной повесткой дня, прошли партийные собрания и в Аксуском районе, в 62-х первичных организациях.

Уровень советско-китайских отношений влиял на судьбы казахов Синьцзяна. Причины историки видят в том, что «в период культурной революции китайское правительство также проводило кампанию коллективизации кочевников Внутренней Азии, нанесшую огромный ущерб скотоводству. Казахские скотоводы были обречены на голод и дети тех, кто бежал в Китай из Советского Союза в 30-е годы, пытались вернуться назад, чтобы избежать новой катастрофы». (Хазанов А.М., 2000, с. 47).

Обострение межгосударственных отношений с СССР после смерти Сталина послужило мотивом к выдворению советских граждан из Синьцзяна. У ряда репатриированных, гражданство было советским, а некоторые, по собственному признанию, ушли в Китай в 30-е гг. (АП РК, Ф.8, оп. 30, д. 24, л. 180).

Период «оттепели» в СССР предоставил исключительный шанс для репатриантов вернуться на историческую родину. Сыграли свою роль и соображения политического престижа.

Параллельно этому вектору, казахская трансграничная миграция (КТМ) второй трети XX в., на сложном внешнеполитическом фоне, продолжила свой транзит в пределах ЦАР и Южной Азии. Указанные в начале политические нюансы нашли непосредственное отражение в судьбах казахских иммигрантов.

КТМ вылилась со временем в ТЕМ. Ныне казахская диаспора проживает и в Европе, и США. Анализ источников по истории миграции середины XX в., различающиеся по таким характеристикам, как: авторство, государственная принадлежность, социально-политический контент, - отражает сложные комбинации геополитических конструкций вокруг ЦАР.

Список использованных источников:

«Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. – М., 1992. – Кн. 1,2. – Том 2. СССР и КНР (1949-1991 гг.).

Безопасность Евразии. – 2002. - № 4.

Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. – Алматы, «Дайк-пресс», 2003.

Полинов И.Г. Синьцзян в период китайской революции. – Ташкент, 1953; Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. – М., 1991.

Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. – 1989. - № 7.

«Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. – М., 1992. – Кн. 1,2. – Том 2. СССР и КНР (1949-1991 гг.).

Архив Президента Республики Казахстан, г. Алматы (далее - АП РК). - Ф. 2387. – Оп.1. – Д. 57. – л. 402-403.

АП РК. - Ф. 708. – Оп. 35. – Д. 106. – л. 256.

АП РК.- Ф. 8. – Оп. 30. – Д. 24. – Л. 174-176.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. - Алматы, 2000.

АП РК. – Ф.8. – Оп. 30.- Д. 24. – л. 180.

Spisok ispol'zovannyh istochnikov:

" White spots " and " hot spots" in the history of Sino-Soviet relations . - М., 1992 . - Pr. 1.2 . - Volume 2 . USSR and the PRC (1949-1991 gg.).

Security in Eurasia . - 2002 . - № 4.

Syroezhkin K.L. Myths and reality of ethnic separatism in China and Central Asian Security . - Almaty, " Dyke -press ", 2003 .

Pauline I.G. Xinjiang during the Chinese revolution. - Tashkent, 1953; Bazhenov E.S., Ostrovsky A.V. Naselenie China. - М., 1991.

Kozybaev M.K., Abylhozhin J.B., Tatimov M.B. Kazakhstan tragedy / / Questions of history. - 1989 . - № 7.

" White spots " and " hot spots" in the history of Sino-Soviet relations . - М., 1992 . - Pr. 1.2 . - Volume 2 . USSR and the PRC (1949-1991 gg.).

Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, Almaty (further- AP RK). - F. 2387 . - Op.1 . - AD 57. - L . 402-403.

AP RK. - F. 708. - Op. 35. - AD 106. - L . 256.

AP RK. - F. 8. - Op. 30. - AD 24. - L. 174-176.

Khazanov A.M. Nomads and the outside world. - Almaty, 2000. AP RK. - F.8 . - Op. 30. - AD 24. - L . 180.

Түйін

Мұқанова Гулнәр Қайроллақызы

XX ғ. ортасында мемлекеттер арасындағы көші -қонудың Евразиялық және Орта-азиялық векторлары

Бұл мақала Орта Азиядан бас алатын трансевразиялық қазақтардың көшу қонудың мәселелеріне назар аударады. Шет елде болса да, ұлттық намысын жоғалтпау, диаспора арқылы ұлт мүддесін қорғау – үлкен абырой.

Ресми көзқарас, ТМД және шет елдердің ғылымдарының еңбектерін салыстырма ретінде сараптаған кезінде, құжаттармен сәйкес келмеуі де ықтимал.

Summary
Mukanova Gulnar
Eurasian and Central Asian vector of Kazakh's
Interstate Migration in the mid-20th century

This article draws attention to the problematic aspect of the research questions the Trans-Eurasian migration of Kazakhs, which originated in Central Asia. «Recognition» of the Kazakhs as a nation contributed to a unique identity, transmitted from generation to generation without devastating losses, and in the diaspora.

Comparative critical discourse analysis of the works of scientists of the CIS and non-CIS countries, the study of primary sources gives rise to conclusions that do not always coincide with the official point of view.